

Советские студентки и молодежные организации послевоенного периода

Марина С. Короткова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, korotkova.ms@rggu.ru*

Аннотация. Анализ форм участия девушек в молодежных организациях послевоенного периода предваряется обзором социально-экономического положения советских студенток, их образовательного статуса, социализационных особенностей послевоенного поколения. В условиях курса мобилизации на восстановление послевоенного хозяйства важна роль молодежи в экономическом производстве. Отдельный блок посвящен вопросам высшего образования, перспективам образовательного статуса, мерам материальной поддержки со стороны государства.

При анализе участия студенток в молодежных организациях учитываются следующие аспекты: численность студенчества, запросы государства, их выполнение, положение молодежи и отношения с властью; стремления, интересы, ориентации советских студенток, в чем они состояли, как коррелировали с государственными интересами, а также интересами всего народа.

В статье дается дифференциация молодежных организаций послевоенного периода, рассматриваются официальные и неофициальные, самостоятельные объединения, молодежные движения и то, насколько они отвечали запросам государства. Анализируются причины и последствия участия в формальных молодежных организациях и неформальных объединениях, приводятся объективные факторы появления молодежных субкультур. Показано сложившееся противоречие между официально существующими формами участия в общественной жизни и нереализованной потребностью в самореализации молодежи в культурной сфере общества.

Ключевые слова: учащиеся вузов, студентки, советская власть, молодежь, молодежные организации, комсомол, неформальные молодежные объединения

Для цитирования: Короткова М.С. Советские студентки и молодежные организации послевоенного периода // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 174–185. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-174-185

Soviet female students and youth organizations of the post-war period

Marina S. Korotkova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, korotkova.ms@rggu.ru

Abstract. The analysis of the forms of girls' participation in youth organizations in the post-war period is preceded by an overview of the socio-economic situation of Soviet students, their educational status, and the socialization characteristics of the post-war generation. In the context of the mobilization course for the restoration of the post-war economy, the role of youth in economic production is important. A separate section deals with issues of higher education, prospects for educational status, and measures of financial support from the state.

When analyzing the participation of female students in youth organizations, the following aspects are taken into account: the number of students, the requests of the state, their fulfillment, the position of youth and its relations with the authorities; aspirations, interests, orientations of Soviet students, what they consisted of, how they correlated with the state interests, as well as the interests of the whole people.

The article gives a differentiation of youth organizations of the post-war period, considering official and unofficial, amateur associations, youth movements and the extent to which they met the state's demands. It analyses the causes and consequences of participation in formal youth organizations and informal associations, and presents the objective factors behind the emergence of youth subcultures. It highlights the established contradiction between officially existing forms of participation in public life and the unrealised need for the youth self-expression in the cultural sphere of society.

Keywords: university students, female students, Soviet government, youth, youth organizations, Komsomol, informal youth associations

For citation: Korotkova, M.S. (2025), "Soviet female students and youth organizations of the post-war period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 174–185, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-174-185

Характеристика молодежи и отношения с властью

По статистическим данным численность молодежи (с учетом 26-летних) в целом по СССР составляла к 1 января 1945 г. около

5 млн человек¹. По итогам первой послевоенной переписи (1959 г.) в СССР насчитали 31,1 млн молодых людей (1939 г. – 28,7 млн молодых людей). На момент проведения переписи молодыми людьми считались все жители Советского Союза в возрасте от 14 до 28 лет. При определении возрастных границ молодежи главным критерием является труд: нижний предел – 15–16 лет, верхний – 27–30 лет. В комсомол в 40–50-е гг. XX в. принимались представители молодежи с 14 лет и до достижения 26 лет.

Советская молодежь рассматриваемого периода была дифференцирована по составу: молодые рабочие, сельская молодежь, учащиеся вузов и средних учебных заведений. Каждая социальная общность в рамках своей повседневности, пребывая кто где – за скамьями в университете, станками – на заводе, на тракторе в поле – шаг за шагом осуществляла социально одобряемую деятельность, реализуя свой социальный потенциал. Идея служению общему делу, поддерживаемая в массах, повсеместно присутствовала в умах большинства молодых людей. Это было уникальной характеристикой для той части советской молодежи, которая родилась и выросла при советской власти, в той развернутой сети общественных образовательных воспитательных учреждений, которые она для этого создала.

Особенность молодежи этого периода еще и в том, что в ее состав входили юноши и девушки, подростками ушедшие на войну. В 1946 г. студентами стали 41 тыс. бывших фронтовиков. Их социализация была кризисной, шла по ускоренному пути: в детском возрасте они осваивали взрослые роли – работали на заводах и в поле, рыли окопы, были связными в партизанских отрядах, вели разведку, спасали раненых и много других доблестных, но совсем не детских задач легло на плечи этой части молодежи.

Студенчество: образовательный статус

В период войны девушки-студентки, как и большинство их сверстников, были вынуждены прервать свою основную учебную деятельность, выпасть из процесса духовного производства, а потом включиться в работу по поднятию экономики. В послевоенное время эти 17–18-летние Иваны Ивановичи и Марии Петровны вновь заняли свои позиции учащейся молодежи, погрузились в процесс познания, когнитивный процесс. Несмотря на столь юный возраст, их жизненный авторитет был очень высок, но, познавшие так рано

---

¹ Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. М., 2023. 880 с.

тяготы военной жизни, они уступали по успеваемости вчерашним школьникам во многих академических предметах.

Одно из бесспорных достижений советской власти – устойчивый рост образовательных учреждений. В 1914 г. в Российской империи было 105 вузов [Васильева и др. 1985]. Данные по количеству вузов в СССР и РСФСР на начало учебного года приведены на гистограмме. Еще в первые послевоенные пятилетки страна продолжала испытывать острый голод в специалистах высшей квалификации: инженерах, врачах, учителях, научных работниках и т. д. Однако дальше наблюдается увеличение числа вузов: для сравнения, в 1950 г. в СССР – 880 вузов – 818 (рис. 1).

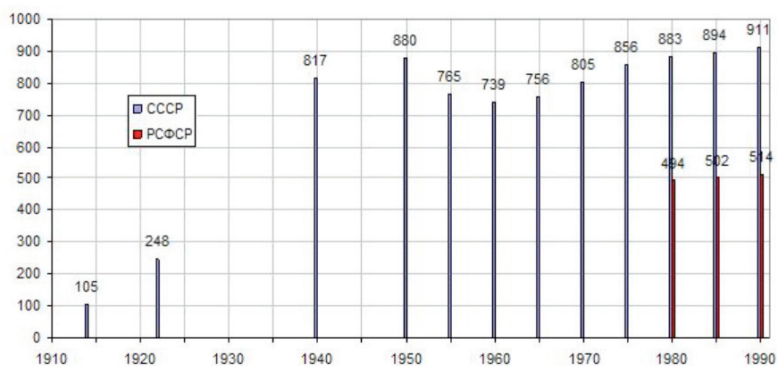

Рис. 1. Количество вузов в СССР и РСФСР

Источник: Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. М., 2023. С. 84

Фиксируется стабильный рост численности учащихся в вузах: на начало 1950/51 уч. г. цифра составляла – 797 тыс. чел., на начало 1960/61 уч. г. – уже 1497 тыс. чел., а в конце 1960-х гг. цифра достигла 2656 тыс. студентов [Фурсова, Ханнанова 2007, с. 98]. Численность специалистов с высшим образованием, составлявшая в 1942 г. 909 тыс. человек, к 1960 г. увеличилась до 3545 тыс., т. е. почти в 4 раза. В послевоенный период новое поколение вступало в жизнь в несколько «разряженных» условиях ослабленной социальной конкуренции, иными словами, они имели относительно благоприятные перспективы для продвижения и карьеры. Классовый принцип был отменен, конкурса в вузы практически не было, принимали всех, получивших на экзаменах удовлетворительные оценки. Предпочтение по-прежнему сохранялось для рабочих и крестьян. В 1946 г.

на первый курс высших учебных заведений страны было принято 205,2 тыс. чел. (при плане 195 тыс.), это был самый большой набор за все годы существования высшей школы [Беляев 2012].

Ответственно выполняя свою часть обязательств по некоему общественному договору с властью, учащаяся молодежь могла рассчитывать на некоторые меры социальной поддержки: стипендия в те годы варьировалась от 35 до 50 руб. в зависимости от вуза, в котором обучался студент. Отличники получали не менее 50 руб. ежемесячно. Существовала повышенная стипендия – 75 руб., а также Ленинская стипендия – 120 руб. Педагоги и медицинские работники получали до 150 руб., а инженеры – от 170 руб. Рабочие специальности – 70–100 руб.

Участие в восстановлении послевоенной экономики страны

Субъектная позиция советских девушек вначале послевоенного периода поначалу реализовывалась в рамках запросов государства. Ускоренными темпами проводилось восстановление промышленности. Выполняя условия общественного договора, молодые юноши и девушки включались в восстановительные работы. В результате героического труда советских людей, в том числе и молодежи, 4-я пятилетка (1946–1950) была выполнена досрочно [Степанов 2008, с. 79]. Подняты из руин заводы и фабрики, электростанции и шахты, колхозы, МТС и совхозы. И в этой работе самоотверженно принимали участие девушки. Май 1956 г.: советское руководство выступило с призывом к молодежи: выделить 400–500 тыс. юношей и девушек на строительство промышленных предприятий, железных дорог, угольных шахт.

Советская молодежь участвовала в гигантских стройках, таковых в 1959 г. насчитывалось 96, в 1960 г. – 140, в 1961 г. – 150. Строительные отряды – 120 тыс. студентов – участвовали в постройке народно-хозяйственных объектов по всей территории Советского Союза.

Формальные молодежные организации

Главный социальный статус – учащиеся вузов – студентки реализовывали в Высшей школе. Участие в молодежных организациях, хоть и было вторичной занятостью, занимало большое место в повседневной жизни советской молодежи, по степени включен-

ности, заинтересованности и отдаче не уступая, а иногда превосходя учебный процесс.

Одной из основных задач комсомольской организации было перераспределение рабочих ресурсов внутри страны. Получив комсомольскую путевку, молодой человек или девушка направлялись на работу в малообжитые и труднодоступные районы страны, где существовал дефицит кадров. Комсомольская путевка использовалась не только для отправления молодежи в другие регионы, но и для направления в профессиональные училища, университеты, на службу в армию или в милицию. Своего рода карьерный лифт, объясняющий потребительное отношение к Комсомолу. Неотъемлемой частью деятельности ВЛКСМ были «комсомольские ударные стройки» – возведение индустриальных объектов, шефство над которыми поручалось комсомолу. За период с 1929 по 1970 г. на важнейшие участки строительства комсомол направил более 3 млн юношей и девушек.

В течение трех первых послевоенных лет сокращался прием в комсомол целом по стране: в 1945 г. в ряды ВЛКСМ вступили 2435 тыс. юношей и девушек, в 1946 г. – 1901 тыс., в 1947 г. – 1724 тыс. человек [Зубкова 1999]. Комитету комсомола все сложнее было привлечь студентов к участию в общественной работе, в ход пошли различные меры воздействия, начиная с задержки стипендии до выключения света в комнатах общежитий перед началом мероприятий для обеспечения явки, отказ выдавать пальто до окончания собраний. Была и самая действенная карательная мера, до которой старались не доводить – исключение из комсомола, что грозило студенткам как минимум замедлением карьерного роста, максимум – увольнением с работы.

В стремлении «заорганизовать» молодежь, ей поручались разного рода общественно-полезные поручения: чтение лекций по марксистско-ленинской теории на заводах, фабриках, в колхозах; участие в рейдах и патрулирование улиц, проверка культурного уровня различных танцевальных и музыкальных вечеров, борьба с хулиганами, преступниками, фарцовщиками.

Наблюдалась некая двойственность студенческой жизни: она была поделена на две части: социально одобряемую и ту, что было выгодно демонстрировать и ту закулисную, где они могли быть естественными в кругу близких людей.

Субъектная позиция молодежи поначалу реализовывалась в рамках запросов государства, что вполне устраивало власть и на каком-то этапе перестало устраивать молодежь. Большое количество советских девушек увидели или узнали по рассказам юношей-фронтовиков о жизни за пределами страны. Реакция на

предполагаемое идеологическое разложение со стороны государства не заставила себя долго ждать: партийные и комсомольские органы зачислили молодежь в «группу риска». Пик критики идейно-политического воспитания молодёжи пришелся на 1948 г.: к «криминальным» были отнесены элемент морального разложения отдельных студентов, уличенных в пристрастии к карточным играм, пьянству в общежитии, свободных, не скрепленных брачными узами отношениях между юношами и девушками.

Неформальные молодежные объединения

Если единственной формально существующей организацией был комсомол, то все другие формы молодежных объединений, не обладающие чертами социальной организации, были зачислены в неформальные по организационно-правовому признаку и были дифференцированы следующим образом: просоциальные; асоциальные; оппозиция.

Неформальные объединения просоциальной направленности имели цель сформировать социальную активность молодежи в отдельных от Комсомола движениях (художественно-эстетические, литературные, технические кружки, добровольные общества). Ключевым желанием молодежи, входящих в такие круги, была сама идея некая автономности в выборе сферы интересов, возможность высказываться свободно, читать и обсуждать литературу не из утвержденного списка. Функционально большая часть была настроена на сотрудничество. Массово они стали появляться в период хрущевской оттепели и являлись следствием движения за демократизацию общества.

К просоциальным объединениям рассматриваемого послевоенного периода можно отнести молодежные кружки, самостоятельные группы, формировавшиеся по типу «катакомбной культура». Девушки в таких кружках преследовали одну вполне положительную цель – самообразование, но чтение Троцкого, Святого Августина, Орвелла, Бердяева было наказуемо, также как и лекции по теософии и генетике, относились к форме отклоняющегося поведения. Занимались ли они политикой? Нет, но поскольку имелись случаи соприкосновения с запрещенной литературой, конспирацией, такие кружки подпадали под статус нелегальных, изменнических, террористических и антисоветских. Участие в них грозило следственным процессом. Процесс познания тоже был под контролем, если в него попадали не те знания, не те мысли, это тоже расценивалось как отклонение от нормы.

Не столько содержательным, сколько внешним протестом характеризуется движение в стилях. С их появлением (конец 1940-х гг.) связывают «первую волну» неформалитета, выступивших против стереотипов и однообразия социалистического общества. Если в подпольных террористических объединениях девушки были замечены в меньшей степени, то стиляжничество носило преимущественно женское лицо. Девушки из состоятельных семей ставили под сомнение советскую идеологию, увлекались западной музыкой, танцами и одеждой. Не отличающиеся ни особыми политическими взглядами, ни особой общественной позицией, своим обликом и поведением демонстрировали яркий вызывающий протест против серости и однообразия официальной культуры.

Для того чтобы примкнуть к кругу стиляг, нужны были немалые средства. Представители «золотой молодежи», дети партийных, советских чиновников, комсомольских лидеров подтверждали таким образом свою принадлежность к элите, это был круг избранных, тех, кто мог себе позволить такого рода досуг и времяпрепровождение. А раз это было недоступно для большинства, то это враждебное, не наше увлечение и его однозначно нужно ликвидировать. Девушки из скромной рабочей прослойки тоже стремились, как могли, подражать западной моде, выбирая более дешевый вариант образов стиляжной жизни, но это было скорее исключением, для их родителей – позором, который если не могли прекратить, то замалчивали сколько могли.

Среди причин возникновения субкультуры стиляг: кризис идентичности, характерный для двух весьма стратифицированных групп молодежи: если для горстки девушек советской элиты пристрастие к зарубежной культуре было элементом показательного протеста и признаком «особости», то для простых рабочих советских девушек послевоенного времени новая субкультура стала психологической защитой от нищеты и разлуки послевоенных лет.

Яркое подражание западной моде было расценено как проявление инакомыслия в монолитном советском обществе, проявление декадентства и космополитизма. В большей степени репрессивным действиям подверглись юноши, девушки ограничивались выговорами, предупреждениями, редко – исключениями из вуза. Власть уловила опасность и угрозу, ведь унифицированным обществом легче управлять. Советская пропаганда осуждала стиляг, клеймя их как лиц, ведущих «недостойный» образ жизни.

Асоциальные молодежные объединения не скрывали оппозирования и критику власти, имели развлекательную направленность, ориентацию на «кайф» и «балдеж». Стиляги в самом начале появились как в чистом виде городская субкультура просоциаль-

ной направленности, и лишь потом она начала носить черты асоциального неформального объединения. В планах стиляг не было цели изменить сложившиеся правила поведения, они лишь хотели иметь право на свой закрытый мир, с избранным кругом участников, где можно было говорить на своем языке, слушать «свою» музыку и ярко одеваться. Только в 1950-х гг. происходит оформление начального протестного движения [Милованова 2021]. К концу 1950-х многие представители этой субкультуры уже негативно относились к советской власти и втайне мечтали покинуть СССР.

Что касается оппозиции, и самого термина «неформалы»: он может быть использован лишь относительно таких групп, как хиппи, панки, металлисты, которым характерен чаще всего спонтанный, неорганизованный, нестабильный характер. Временные рамки появления неформалов (1970-е гг.) выходят за границы рассматриваемого периода. Самым главным «криминалом» в поведении студенчества послевоенных лет считалась даже не аполитичность, а участие в «различных сомнительных группировках» по типу: «Искатели правды», «Настоященцы», «Есенинцы», «Общество лодырей». Ни одно из названных сообществ не носило политического характера. «Искатели правды» и «Настоященцы» узким кругом рассуждали о жизненных проблемах, трудностях, иногда весьма острых и запретных: были равнодушны к судьбе Ахматовой, считая несправедливой критику, которой она подверглась; задавались вопросами несправедливости в отношении цензуры к произведениям советских писателей, невозможности открыто высказывать свою точку зрения, критиковали русскую литературу за ее ущербность в своем стремлении концентрироваться только на положительном примере. Это были своеобразные объединения молодежи по интересам, представляли собой круг друзей, собирающиеся для проведения досуга. Участие в такого рода кружках засчитывалось как участие в «тайной организации, занимающейся антисоветской деятельностью».

Выводы

Будучи частью большой социальной общности – студенчества – образованные, спортивные, трудолюбивые девушки имели перспективы социального роста в виде доступа к высшему образованию, получению перспективной должности, что обеспечивало ее в целом благоприятное отношение к официальной политике. Государство много делало в деле становления социальной субъектности молодых девушек: в СССР подготовлены миллионы людей,

занимающихся спортом и физической культурой, сотни тысяч овладели военными и прикладными специальностями, получили доступ к бесплатному среднему и высшему образованию, элитарной культуре, повысили свой социальный статус и получили реальные перспективы в профессии и партии. Это был безусловный лифт для рабоче-крестьянской части девушек из сел, с заводов, они стали пополнять ряды новой советской трудовой социалистической интеллигенции [Короткова 2024]. Молодежь гордилась этими достижениями, защитила их с оружием в руках и не хотела терять.

Молодежи была отведена роль опоры режима (послевоенная молодежь – первое поколение, воспитанное от начала до конца сталинской системой), а она становилась все менее управляемой. Но не оппозиционной. Опросы в молодежной среде показывали: большинство молодых людей в качестве главного жизненного принципа отмечали желание принести пользу родине, честно трудиться на благо отечества. В системе ценностей этого поколения Сталин, Партия, Родина составляли единое целое, приоритет был отдан патриотическому чувству.

Свойственная молодежи потребность в самовыражении не реализовывалась в существующих формах, а поиски новых расценивались как уход от основной идеологии. Категоричность в оценке неформальных форм молодежных объединений не позволяла советской власти увидеть в них конструктивные идеи и творческое начало. В то же время процесс проникновения новых идей невозможно было остановить: расширялся круг источников о зарубежном мире, студенты взаимодействовали с иностранными туристами, учились бок о бок коллегами из других стран. Железный занавес не преградил путь идеям бунтарства и нонконформизма, которые находили отклик в сердцах советской молодежи.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093.

Литература

- Беляев, Слезин 2012 – Беляев А.А., Слезин А.А. Роль послевоенного комсомола Тамбовской области в подготовке кадров высшей квалификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 13–16.
- Васильева и др. 1985 – Васильева Э.К., Елисеева И.И., Кашина О.Н., Лаптев В.И. Динамика населения СССР 1960–1980 гг. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.
- Зубкова 1999 – Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- Короткова 2024 – Короткова М.С. Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917–1929 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусство ведение». 2024. № 3. С. 35–46.
- Милованова 2021 – Милованова М.Ю. Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 97–106.
- Степанов 2008 – Степанов А. С. Безумство храбрых: о молодежи 1917–1991 годов. М.: Алгоритм, 2008. 583 с.
- Фурсова, Ханнанова 2007 – Фурсова В.В., Ханнанова Д.Х. Социальное неравенство в системе образования советского общества: отечественные и зарубежные теории и исследования. Казань, 2007. 223 с.

References

- Belyaev, A.A. and Slezin, A.A. (2012), “The role of the post-war Komsomol of the Tambov region in the training of highly qualified personnel”, *Historical and Socio-Educational Idea*, no. 4 (14), pp. 19–21.
- Fursova, V.V. and Khannanova, D.Kh. (2007), *Sotsial’noe neravenstvo v sisteme obrazovaniya sovetskogo obshchestva: otechestvenny’e i zarubezhny’e teorii i issledovaniya* [Social inequality in the education system of Soviet society. National and foreign theories and research], Kazan, Russia.
- Korotkova, M.S. (2024), “The Soviet student intelligentsia and the social contract. Issues of acceptance and participation (1917–1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 35–46.
- Milovanova, M.Yu. (2021), “Social interests of young people. Current party-political discourse and gender analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 97–106.
- Stepanov, A.S. (2008), *Bezumstvo khrabrykh: o molodezhi 1917–1991 godov* [The madness of the brave. About the youth of 1917–1991], Algoritm, Moscow, Russia.
- Vasil’eva, E.K., Eliseeva, I.I., Kashina, O.N. and Laptev, V.I. (1985), *Dinamika nasele-niya SSSR 1960–1980 gg.* [The USSR population dynamics 1960–1980], Finansy i statistika, Moscow, USSR.

Zubkova, E.Yu. (1999), *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet Society. Politics and everyday life. 1945–1953], Rosspen, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Марина С. Короткова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; korotkova@gmail.com

Information about the author

Marina S. Korotkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; korotkova@gmail.com